

Поэтому на всех уровнях власти вопрос усыновления детей-сирот, обеспечение им полноценного будущего стоит на первом месте. В образовательных программах производится реконструкция имеющихся систем образования, создаются новые типы и виды учреждений для поддержки детства. Готовятся педагоги, специализирующиеся на воспитании детей в детских домах.

В связи с нарастающей актуализацией проблемы необходимо привлечь внимание общественности. путем создания социальных реклам, телепрограмм. Проведение форумов, семинаров как для специалистов, так населения.

Т. П. Дурасанова, к.и.н., доцент кафедры социальной работы;

О. А. Волкова, к.п.н., доцент кафедры социальной работы БФ СГУ;

С. Вендт, PhD, профессор Школы социальной политики и социальной работы Университета Южной Австралии;

Б. Чеерз, PhD, директор Центра помощи на селе и общественного развития Университета Южной Австралии

РОССИЯ И АВСТРАЛИЯ: ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В СЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ

Одной из наиболее актуальных проблем современных социальных практик стала проблема семейного насилия: ее изучение, борьба со всеми формами проявления насилия, профилактика. Домашнее насилие в России получает все большее распространение. Лица, погибшие и получившие телесные повреждения на почве семейно-бытовых конфликтов, прочно занимают первое место среди различных категорий потерпевших от насильственных преступлений.

Проведенное совместно с австралийскими коллегами исследование позволило впервые провести сравнительный анализ состояния проблемы в наших двух странах.

В результате все более глубокого проникновения насилия в жизнь семьи разрушается ее нравственность, происходит ослабление связи и преемственности поколений, гуманизма семейного воспитания, порождается детская безнадзорность, дети вовлекаются в потребление спиртных напитков, наркотиков, вовлекаются в проституцию и преступную деятельность.

Исследования проблемы семейного насилия начали зарождаться в российской науке в 90-х гг. XX в., но они проводились безотносительно к сельской местности. В российской науке появилась литература, представляющая различные аспекты поднимаемой в данной статье проблемы: жестокость, агрессивность, насилие, жестокое обращение, виктимное поведение. Подобные проявления рассматриваются по отношению к членам семьи, которые в каком-то отношении слабее к конкретным категориям: детям, лицам с ограниченными возможностями, пожилым, женщинам.

Этнографические и гендерные аспекты домашнего насилия в истории России наиболее полно отражены в отечественных работах Н.А. Бердяева,

Н.Л. Пушкаревой, Е.И. Гаповой, И.Р. Чикаловой. В последние десятилетия появились исследования, представляющие собой общественную экспертизу современной ситуации насилия в отношении женщин: Э. Мартыновой, А.А. Горбуновой, Т.Ю. Забелиной и др.

Несмотря на то, что образ сельской семьи России как зоны домашнего насилия в российской литературе представлен не достаточно, существуют работы зарубежных авторов, отражающие исторические аспекты проблемы и перспективы ее решения: J.V. Brown, D. Ransel, J. Hubbs, B. Clemens, B. Engel, C. Wogobec и др. Из упомянутого перечня работ становится понятно, что задачи анализа социокультурного контекста сознания граждан, особенно женщин, как субъекта правового регулирования, живущих в сельской местности России, до сих пор не ставились. Работ, посвященных непосредственно исследованию проблем домашнего насилия на селе, в особенности, отражающих явление как историко-этнографическую, социокультурную и гендерную проблему, у российских ученых нет.

В целом утверждается обоснованность существования в российской науке трех групп теорий: 1) индивидуально-психологические теории, делающие акцент на роли алкоголя и наркотиков как факторов-ускорителей злоупотребления в межличностных отношениях; 2) сексологические теории, интерпретирующие домашнее насилие как проявление женской и мужской сексуальности; 3) социально-психологические, концентрирующие внимание на моделировании ролей, усвоенных под воздействием домашнего насилия; 4) социокультурные, обосновывающие влияние социальных факторов на насилие между партнерами. На наш взгляд, разные теории дополняют друг друга, и сложное явление не редуцируется к какой-то одной причине.

Сельское население России, которое составляет около 30% всех жителей страны, традиционно живет в условиях, которые довольно сильно отличаются от городских и оказывают несомненное влияние на более высокий уровень распространенности домашнего насилия. Это более низкий уровень социальной жизни, в том числе и организации социальной работы; тяжелые условия труда и быта; слабо развитая социальная инфраструктура (плохие дороги, отсутствие надежных источников связи, недостаточное количество учреждений здравоохранения, культуры и образования); недостаточность материальных ресурсов; отставание от городского уровня социального и коммунального обустройства; изолированность и территориальная отдаленность (деревни на огромной территории России часто расположены на большом расстоянии друг от друга); более низкий, по сравнению с городом, образовательный уровень жителей села (это приводит к менее выгодному положению сельской общины при включении ее населения в процесс социального развития); консерватизм и социальная инертность (сельские жители менее мобильны, чем городские, гораздо патриархальнее); отсутствие конфиденциальности и недостаточная анонимность, вызванные тем, что в деревнях все знают друг о друге все; более высокий уровень безработицы по сравнению с городом.

Таким образом, специфика проблем домашнего насилия в условиях сельской местности вызывается рядом причин: ценностными ориентациями,

психологией, определенным консерватизмом сельских жителей; социальными условиями жизни, труда, быта и трудностями, порождаемыми этими проблемами; сельской социальной средой, которая в отличие от городской, характеризуется тесными соседскими связями, сохранившимися традициями общинных взаимоотношений, которые не позволяют «выносить сор из избы», обнародовать факты насилия как на бытовом уровне, так и на правовом, охранно-защитном.

Именно в районных центрах и селах насилие со стороны близких распространено гораздо шире, чем в крупных городах. Кроме того, его уровень возрос одновременно с падением уровня жизни сельского населения. Как видим, бытовое насилие было, и, по всей видимости, и сейчас остается атрибутом жизни, прежде всего, «в глубинке» России. Основными его жертвами становятся женщины из наиболее неблагополучных слоев, как с точки зрения их материального положения, так и образовательного уровня. Очень серьезной проблемой для сегодняшней российской действительности является не только сам факт наличия насилия в семьях, но и то, что многие женщины не видят возможности воспрепятствовать этому.

Значительное исследование проблем домашнего насилия в Южной Австралии проведено S. Wendt и B. Cheers.

Из-за скрытой природы домашнего насилия в сельских районах Австралии (Alston; Wendt & Cheers) становится затруднительным определение реальной степени распространенности проблемы. Имеющаяся статистика свидетельствует, что в отдаленных от центров поселений о домашнем насилии сообщается значительно чаще, чем в городах (Women's Services Network (WESNET)). Однако разница, представленная в данных показателях, реально может быть значительно больше. Некоторые исследования показали, что возможно, полиции о случаях, связанных с насилием, сообщается в сельской местности меньше, чем в городской, и что в сельской местности неофициальный социальный контроль и санкции против сообщения в полицию распространены гораздо больше. Более того, сельские провайдеры услуг предоставляли многочисленные данные, подтверждающие обоснованность и очевидность серьезного уровня домашнего, сексуального и других типов насилия, распространенного среди сельских жителей мелких населенных пунктов. Но о еще большем количестве случаев не сообщается (Coorey; Alston; Hogs & Carrington; Wendt & Cheers).

В Австралии множество исследований были направлены на изучение причин, последствий и динамики домашнего насилия. Однако только единицы исследований были проведены в сельской местности. Австралийские исследования выявили, что факторы, действующие в сельской местности, прочно укрепляют опыт домашнего насилия для женщин сельской местности, что делает их особенно уязвимыми и содействует продолжению насилия. Это включает ненадежное финансовое положение, территориальную отдаленность от густонаселенных центров, изоляцию, недостаток обслуживания и информации, ограниченный доступ к полиции и юридической защите. Исследователи утверждали, что эти различия усиливают для сельских женщин

возможность подвергнуться насилию. Эта возможность значительно выше, чем у городских женщин, требования которых не могут игнорироваться, на жалобы которых обязательно следует соответствующая реакция.

Например, некоторые сельские женщины сообщают о финансовой зависимости и не знают, как обратиться в специальные службы (social security payments), как к средству прекращения жизни, основанной на отношениях насилия (Coorey; Bagshaw). Важно следующее: исследования показали, что финансовая зависимость является особенно трудной для жизни сельских женщин. Право на собственность создает оскорбительные жизненные ситуации, потому что финансовые ресурсы часто вложены в бизнес, так что только небольшое количество денег находится на руках. Женщины сообщают также о затруднительных обстоятельствах, не позволяющих им разрушить семейную или общинную (settlements) собственность (Coorey; Nolan; Bagshaw). Потребность в конфиденциальности и анонимности, позор обнародования насилия, сплетни в соответствующих социальных сетях также способствуют решениям женщин не обращаться за специальными услугами и за информацией, а тем самым способствовать их доступности (Samyia; Coorey; Nolan; Lovell; Alston). Более того, территориальная отдаленность и изоляция еще больше осложняют трудности женщин в обеспечении обслуживания и помощи в ситуациях насилия; общественный транспорт в отдаленных населенных пунктах часто ограничен (Samyia; Coorey; Lovell). В итоге ограниченность или недостаточная помощь со стороны полиции и системы государственного правосудия для сельских женщин также являются фактором, способствующим их уязвимости в ситуациях, связанных с насилием. В процессе работы полиция в сельских населенных пунктах случайно обнаруживает комплекс различных преступлений, по сравнению с полицией в крупных городах. Часто работа полиции в изолированных и мелких населенных пунктах может быть недостаточной, влекущей за собой задержки в реагировании на просьбы женщин о помощи (Knowles; Lovell; Alston). Более того, в сельской местности может наблюдаться общая толерантность и снисходительность по отношению к домашнему насилию, так как полиция часто имеет личные взаимоотношения с некоторыми жителями соответствующей местности, включая тех мужчин, которые являются преступниками (Coorey; Knowles; Nicholson).

Ученые в основном согласны, что фактически нет исследований, направленных на изучение насилия, связанного с имущественными проблемами (farm properties), как отдельной формы насилия, имеющего место в мелких населенных пунктах. Высокая степень насилия против женщин в сельской местности и отдаленных поселениях становится очевидной в литературе, подводящей итоги исследований и содержащей рекомендации для дальнейших исследований.

Немногим ранее австралийские ученые начали исследовать культуру в сельской местности и признавать ее значение, объясняя домашнее насилие, встречающееся в конкретном месте, определенном контексте, что дает возможность делать анализ в комплексе в различных формах осуществления насилия и в зависимости от значений, приписываемых ему (Wendt, Taylor &

Kennedy). Это перемещение в сторону изучения культуры конкретных мест было связано с постструктуралистскими подходами, согласно которым, в условиях небольшого села и в особых местностях имеются множественные значения, существующие согласно местным особенностям жизни. Такая перспектива была подвержена критике, так как взгляд на сельских жителей является более одномерным, у них больше сходства, чем различий. В частности, исследование домашнего насилия в рамках феминистского постструктурализма подготовило понимание того, как культуры и идентичности обусловлены в различных селах, и как эта обусловленность реализуется в зависимости от особенности мест и особенностей времени (Wendt). Это предоставляет возможность понять, как сельская местность, включая сельских жителей и их культуры, закрепляет рефлексии сельских женщин и преступления мужчин в сфере домашнего насилия.

К примеру, последнее исследование S. Wendt в Южной Австралии было направлено на изучение влияния местной культуры на домашнее насилие, в особенности, в сельской местности. Исследование показало, что общепринятые религиозные ценности и верования нуклеарной семьи, связанные с клятвой, данной при заключении брака, были строги и что женщины, согласно им, будто бы «отданные в аренду», ценили семейное достояние и установившиеся традиции. Более того, эти верования прочно укрепляли решения женщин продолжать дальше оставаться в отношениях насильственности, а не предпринимать различные пути поиска помощи для изменения их ситуаций.

В заключение отметим, что домашнее насилие в Австралии проявляется чаще в сельской местности, чем в городской. Установлено, что при сравнении наблюдается значительная разница и состоит она в том, что домашнее насилие в сельской местности с большей степенью вероятности является не упомянутым, скрытым. Кроме того, исследования, проведенные в Австралии, были валидны в отношении вопросов, связанных с жизнью в условиях домашнего насилия в сельской Австралии; австралийцы — жители сельской местности — отличаются от австралийцев — городских жителей. Когда сельские женщины пытались противостоять домашнему насилию, они сталкивались с различными факторами окружающей их среды (Wendt). Недавнее исследование домашнего насилия в сельской местности Австралии было направлено на познание и подтверждение влияния сельского контекста и разницы между опытом в различных местах. Такое особое внимание к локальным контекстам позволяет сельским жителям говорить об их собственном опыте переживания домашнего насилия и давать характеристику конкретным ситуациям. Это является важным при попытках найти разрешение ситуаций, связанных с домашним насилием, в собственном социуме. Только теперь в Австралии начались исследования, которые раскрывают домашнее насилие как имеющее свои корни в историческом, социальном, культурном и местном контекстах и позволяют описывать, как и кто в нем живет (Cheers, Binell, Coleman, Gentle, Miller, Taylor, & Weetra).

Подводя итоги проведенным исследованиям, следует отметить, что, несмотря на всю специфику стран — России и Австралии, — множественность

общего в проблеме домашнего насилия: особенности геополитического положения России и Австралии, к которым можно отнести срединное положение между различными цивилизациями, пространственные характеристики «расстояния» и «простора» как атрибуты русской и австралийской ментальности; более высокий уровень семейного насилия в удаленных от крупных городов районных центрах и селах России и сельских поселениях Австралии где наиболее, чем в городской среде, сохранен патриархальный тип культуры; социокультурные практики, требующие от сельского жителя в обеих странах неразглашения семейных проблем, определенной их закрытости; территориальная отдаленность и в силу этого необеспеченность услугами социальных сервисов; незащищенность потенциальных и реальных жертв домашнего насилия в правовом отношении, недостаточный уровень работы местных правоохранительных органов; элементарная правовая неграмотность жителей села, связанная с их более низким образовательным уровнем по сравнению с городскими жителями; экономическая зависимость жертв от субъектов насилия (в России это чаще всего жилищная проблема, в Австралии – проблемы совместной собственности) этот дискурс наименее исследован учеными и практиками социальной работы.

В сегодняшней ситуации нужно менять именно внутреннюю гендерную систему общества, существенно ориентированную на механизмы насилия. До тех пор, пока мужчины и женщины не осознают, что их патриархатный образ деструктивен, они не увидят и необходимости каких-либо изменений в своем отношении к ситуациям насилия.

Т. И. Кардашова,

*заведующий отделением реабилитации несовершеннолетних
с ограниченными физическими и умственными возможностями
ГУ «Балашовский центр социальной помощи семье и детям «Семья»»*

СТРУКТУРА И ФОРМЫ БЕЗРАБОТИЦЫ

Безработица — это социально-экономическое явление, при котором часть рабочей силы (экономически активного населения) не занята в производстве товаров и услуг. Как уже отмечалось, безработные наряду с занятыми формируют рабочую силу страны. В реальной экономической жизни безработица выступает как превышение предложения рабочей силы над спросом на нее.

К безработным в России относятся лица, достигшие 16 лет и старше, которые в рассматриваемый период:

- не имели работы (доходного занятия);
- занимались поисками работы, т.е. обращались в государственную или коммерческую службу занятости, использовали или помещали объявления в печати, непосредственно обращались к администрации предприятия (работодателю), использовали личные связи и другие способы, предпринимали шаги к организации собственного дела;